

* * *

Ни в птице, что летит, крылом касаясь лета,
Ни в утренней звезде, ни в памяти времён,
Ни в книгах мудрецов не отыскать ответа,
Ответа не найти — зачем я был рождён?
И только самому врати душою надо
В звериную тоску, в распутия дорог,
В нежданную любовь, во все сомненья ада
И в городскую мглу, и в полевой цветок,
И в горькие слова, и в роковые числа,
И в облако надежд, что на семи ветрах.
И молится душа от осознания смысла —
Из праха рождена и возвратится в прах.
И молится душа, что всё на свете этом
Уходит навсегда,
Предчувствуя свой срок —
И птица, что летит, крылом касаясь лета,
И городская мгла, и полевой цветок.
Чего же ты хотел? И твоего ухода
Ждут листопад и дождь, зарницы и мороз.
И молится душа. И говорит погода.
И трудно разобрать ответа на вопрос.

* * *

Качнулось небо, как ладья
От всплеска моря у причала.
И ты проснулась от дождя,
О странном сне мне рассказала.
И в тихом голосе твоём
Мелькнула вера, как зарница...
И сон, разбуженный дождём,
Решил, что надо завтра сбыться.

НАВОДНЕНИЕ В БАНГЛАДЕШ

Что нам ближние люди?! Томимся в тоске,
О любви говорим непонятно и грустно.
Человек просит помощи, тонет в реке,
А у нас на устах: «Как сказал Заратустра...»

Помоги, если можешь, а то и утешь,
Полюби, если можешь, без всяких резонов.
И не мучай других: — Как дела в Бангладеш?
Сколько там утонуло от южных муссонов?

Каждый год то же самое — снова ко дну
Чьи-то судьбы идут вместе с рисом и просом.
Жизнь течёт, человек в ней от слов утонул,
Захлебнулся он в ней от дежурных вопросов.

Только что нам течение жизни и рек?!
О себе сочиняем красивые сказки,
И любовь умирает — и с ней человек.
А у нас на устах: «Как сказал Станиславский...»

Он сказал: — Я не верю!
Как можно ни с кем
Не делиться внезапной сердечною раной?
Человек просит помощи — тонет в тоске
От того, что в дождях тонут души и страны.

* * *

В искусстве исчезает тайна —
И ничего оно не стоит,
Когда становится дизайном,
Годится разве на обои,
Когда годится на флешмобы,
На аппликации для майки,
Когда заискивает, чтобы
Понравиться домохозяйке,
Девице томной и альбому
Солдатику со службы срочной,
Понравиться жлобу любому,
И взгляду скважины замочной.
И опускается до мата.
Противиться не в силах гордым —
Искусство чёрного квадрата
Годится разве на кроссворды.
А тайны нет. Она уходит.
То в духа прячется колодцы,
То растворяется в природе,
То в сердце детском вдруг проснётся.

* * *

*Не Ты ли вылил меня, как молоко,
и, как творог, сгустил меня*

Иов. 10, 10

Ты, как молоко, меня вылил,
Сгустил меня, как творог,
Чтоб вырос я в творческой силе
И мысли Твоей помог.

И как бы меня ни любили,
В Тобой предрешенный срок
Налётом останусь лишь пыли
По краю Твоих дорог.

Смотрел на меня с иконок,
Хранил от сует и бед.
И верю Тебе, как ребенок —
Зазорного в этом нет,
Что свет мой, как лезвие, тонок
По краю Твоих планет.

* * *

Может, было. А может, вспомнился сон.
Подмосковный посёлок. И дом цыган.
И дорога до станции. Ты влюблён.
И поёт на всю улицу Мулерман.
А в душе твоей пели колокола,
И летели каникулы летних дней,
И она беззаветно тебе врала,
И без всяких сомнений ты верил ей.
И был тёплый ветер. И ты был горяч,
Даже пылок и счастлив на полпути...
Подмосковное солнце за крыши дач
И цыганских домов скатилось почти.

* * *

Деревня потихоньку гибла
От дураков и от дорог.
Деревне не хватало гимна,
Высокого, как сена стог,
Простого, словно день недели,
Родного, как коровий рёв —
Чтоб гимн бы этот все запели —
Все семь оставшихся дворов.
И от мелодии душевной
Смог осознать любой дурак,
Что гибнет русская деревня,
Но не сдаётся, как «Варяг».

* * *

Я притониваю невод —
В нём тумана акварель,
Неразборчивое небо
И февральская метель.
Мжица* северного лета,
Ветер чёрной полосы,
Осень верности и света...
Слава Богу, есть хоть это.
И созвездие Весы.

* мжица — мелкий дождь, морось